

ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ конца XIX – нач. XX в.

PSYCHOMENTAL PROJECTION AND FEATURES OF THE WORLDVIEW OF THE MILITARY-POLITICAL ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE OF LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

G. Chuvardin

Annotation

The article analyzes the problems of the transformation of the worldview of the representatives of the military and political elite of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The paper gives a General characteristics of basic ideological installations, marking social reflection of the higher echelons of power. The author reveals the main reasons had a decisive impact on the degradation of style leadership in the country, the deliberate inhibition of the processes of the ongoing modernization of Russian society.

Keywords: Empire, the generals, the military elite, government ideology, power, official ideology.

Чувардин Герман Сергеевич

К.ист.н., доцент

каф. истории России,

Орловский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы трансформации мировосприятия представителей военно-политической элиты Российской империи в конце XIX – начале XX веков. В работе дается общая характеристика базовых идеологических установок, маркирующих социальную рефлексию высшего эшелона власти. Автор выявляет основные причины, оказавшие решающее воздействие на деградацию стиля руководства страной, сознательное торможение процессов последовательной модернизации русского общества.

Ключевые слова:

Российская империя, генералитет, военная элита, государственная идеология, власть, официальная идеология.

Определить мировоззренческую составляющую сознания представителей военно-политической элиты российской империи начала XX в., как на уровне обыденного восприятия мира, так и на уровне политических убеждений весьма затруднительно. В основной массе высший российский генералитет представлял собой людей крайне индифферентных, вплоть до безразличия к вопросам политики. В ряде современных исследований позиция российской властной аристократии конца XIX – начала XX в. определяется как «умеренный консерватизм», в основании которого лежали «тревожные тенденции», связанные с распространением идей эгалитаризма и либерализма в обществе, на фоне эмансипации социальных слоев находящихся в системе социальной стратификации на позициях аутсайдеров. Безусловно, рост открытости русского общества не просто настораживал, но и пугал представителей различных групп элиты. Особой темой в данном случае становилось заведомо чуждое российской социально-политической системе явление конкуренция, что было обусловлено желанием не только удержать «место», но и по возможности закрепить его за своими детьми, избавив их от вероятно-

стой «борьбы» за свое будущее (ментальная проекция рудимента «местничества»).

Данные рассуждения можно экземплифицировать выводами исследователя Е.Е. Юдина, подробно изучившего систему социальных ориентиров и истоки мировоззрения семьи командира л.-гв. Кавалергардского полка и 2-ой бригады 2-ой гв. кав. дивизии генерал-лейтенанта Ф.Ф. Юсупова. «Политическая модернизация страны, – отмечает исследователь, – стимулировавшая распространение идей либерализма и формирование уравнительных систем различных социалистических доктрин, настороженно воспринималась традиционной элитой империи» [9, с. 298]. В то же время сторонняя позиция военной аристократии в политических вопросах была обусловлена еще и тем, что в российских условиях они затрагивали прерогативы верховной власти [9, с. 299]. Самодержавие благосклонно относилось к тем, кто преданно трудился на «своей ниве» и в прочие проблемы и вопросы без надобности, обусловленной монаршей просьбой, желанием, приказом, не вникали. Именно в этом выражалось особое содержание русского монар-

хизма: каждый должен заботиться о благе Отечества на своем месте, при этом место (особенно подле Трона), в конечном итоге, определяется императором.

По поводу индифферентности Юсуповых Е.Е. Юдин отмечал, что вопросы политики стали волновать аристократическую чету только в условиях роста социальной напряженности, затронувшей и их интересы [9, с. 298]. Следует отметить, что ряд современных историков излагает весьма специфический взгляд на проблему «политической отстраненности» военного сообщества. Такие исследователи, как А.А. Михайлов настаивают на том, что офицер, начиная еще с обучения в военных и юнкерских училищах (будущий офицер), должен был стоять на патриотических позициях, обусловленных официальной идеологией, следовательно, в большей степени промонархических. В 1906 г. в военных училищах был введен курс по военной администрации. А.А. Михайлов ссылается на слова великого князя Константина Константиновича о том, что указанная система знаний должна способствовать «[...] убежденному и основательному противодействию распространению противогосударственных учений». И далее историк подчеркивает: «В силу сказанного представляется сомнительным тезис некоторых историков советского периода о полном равнодушии юнкеров к политическим проблемам, их полнейшей аполитичности. Будущих офицеров воспитывали в духе преданности монархии, что само по себе предполагает активную политическую позицию» [6, с. 514].

В данном случае показателен общий набор добродетелей, формируемых на базе кадетских корпусов: патриотизм, религиозность, трудолюбие, скромность, умеренность в личных потребностях [6, с. 436]. При этом категорию «патриотизм» А.А. Михайлов выносит на первое место. Примечательно, что в ГУ ГШ также велась разъяснительная и просветительская работа по борьбе с «революционной заразой». Так, офицерами Е.А. Никольским и К.Л. Евреиновым была написана книга «Сущность социализма, коммунизма и анархизма», в которой, помимо идеологий, излагались и политические течения. Вслед за этим было написано руководство с советами и рекомендациями по противодействию политическому экстремизму «Как противодействовать социал-демократической пропаганде». Обе книги имели необыкновенный успех именно в офицерской среде, так как во многом были обращены к ней. В основание устоев, на страже которых были призваны стоять офицеры, закладывался монархический идеал [4, с. 126].

Примечательно, что исследования по «антигосударственным» политическим движениям разрабатывались и на базе охранного отделения. Используя опыт офицеров генштаба, положивших «почин» в изучении указанного вопроса, известный борец с «революционной заразой», лично арестовавший в 1903 г. одного из лидеров партии

эсеров Г. Гершуни, а с 1906 г. занимавший пост начальника дворцовой Охранной агентуры, А.И. Спиридович написал ряд работ по аналогичной тематике. Он также взял на себя миссию по «просвещению» по указанному вопросу великих князей и высших сановников. В частности им был лично поднесен один из томов его труда «Революционное движение в России» великому князю Павлу Александровичу [2].

В то же время следует помнить, что русский монархизм как политическое явление был крайне неоднороден. 60–80-е гг. XIX в. рассматриваются в отечественной историографии как крайне сложная для однозначной трактовки эпоха. При этом наиболее противоречивым вопросом преобразований Александра II – Александра III стала проблема сохранения основных устоев государственного строя. Отмена крепостного права, несмотря на очевидную поэтапность и половинчатость указанного комплекса реформ, привела к необходимости изменения концепции государственной власти, а также вероятностных трансформаций властной элиты.

Полемика, связанная с путями модернизации России, развернулась не только в среде придворных реформаторов, но и получила значительный социальный резонанс. Она продолжалась вплоть до революционных потрясений 1905–1907 гг., хотя и события революции внесли в физиономию российского абсолютизма, не побоимся очевидной спорности указанного утверждения, только косметические изменения. Примечателен тот факт, что общая концепция государства в Российской системе права (в первую очередь, философии права) была оформлена еще в 30–е гг. XIX в. Краеугольным камнем этой концепции являлась так называемая «охранительная теория», предложенная группой «консерваторов-монархистов» во главе с графом С.С. Уваровым. Следует отметить, что указанная теория разрабатывалась в узких рамках канонического православного богословия и легитимировалась общей доктриной русской православной церкви в указанном вопросе. Таким образом, любое посягательство на «уваровскую доктрину», пусть даже в ее крайне правых, окологосударственных перлюстрациях, должно было трактоваться как явление «богопротивное», как богоотступничество. По понятным причинам воплощение указанной теории было достаточно далеко от практики и содержало в себе значительное количество перекосов и злоупотреблений.

Главной особенностью теории С.С. Уварова в социальном плане был очевидный консерватизм, выражающийся в отказе от модернизации государственной власти в рамках практически всех ее институтов (в первую очередь, незыблемости самодержавия, в очередной раз доказывался его «богоустановленный характер») и курс на возможно долгое сохранение крепостного права. Примечателен тот факт, что идея богоустановленного харак-

тера власти сохранялась вплоть до крушения империи. Так, в 1916 г. комментируя образ власти вообще и особенности физиономии власти в России, русский философ С.Н. Булгаков указывал на две фазы в развитии мистического богословского учения о «власти» и «монархии» – фаза внутренней «духовной монархии» и фаза «внешней» бюрократической монархии. При этом он отмечал (причем и в поздних работах, написанных в эмиграции), что монархия в России без Бога невозможна, как, впрочем, и наоборот. С рассуждениями Булгакова переплетаются идеи Д.А. Хомякова: «Царь для русского человека есть представитель целого комплекса понятий, из которого само собой слагается, так сказать, «бытовое Православие» [8, с. 121].

Примечательно то, что для Булгакова характерно понимание «власти» как некоей «эротической среды». Эта «эротичность» объясняет характер одних людей повинаться, а других подчинять, что, по мнению философа, «предустановленно» Богом. Булгаков подчеркивал, что власть как мистическое явление «присуща всему человечеству и слагается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти, мужское и женское в ней начало. И та и другая стороны могут извращаться греховной похотью, переходя во властолюбие и раболепство...» [1, с. 336]. По мнению Булгакова, о «высшем эротическом идеале власти» мечтали славянофилы. Они видели именно в русском самодержавии возможность замены «железа власти ее эротикой». Именно так им рисовалось понятие «народности» [1, с. 338]. Таким образом, оправдывалась «податливая женственность народа» (в русских традициях понимания женщины как безмолвного, пассивного, покорного начала) и мистическая «харизма» власти, имеющей право повелевать и «осенять благодатью», делегировать «право повелевать» другим.

Следует отметить тот факт, что все связанное с модернизацией трактовалось как богоотступничество, а, следовательно, власть боялась самой себя и, совершая очередную реформу, яростно молилась, замаливая грехи богоотступничества. Русских монархов с детских лет учили тому, что монархия – от Бога и незыблема в силу божественного характера своего происхождения. В Основных государственных законах четко указывалось: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» [3, с. 140]. Мог ли монарх совершить богоотступничество и святотатство, введя в стране некий демократический институт, например, Государственную Думу? Ее существование было мерзостью перед Богом и вело к гибели, десаκραлизации «Великого таинства «Царства»» и контринициации Власти. Именно на этом «зиждилось» восприятие общего положения вещей в империи, сформировавшееся к середине XIX в. и постоянно воспроиз-

водимое в формате устойчивой симуляции реальности, властной и, в первую очередь, военно-политической элиты. Отсюда очевидная растерянность российского императора и его ближнего круга – ему (и им) внушали совсем иные религиозные убеждения, а степень воздействия религиозных установок на сознание в рассматриваемый отрезок времени была колоссальна.

Николай II был человеком мистического склада, это ситуацию усугубляло еще больше. Примечательно, что великий князь Владимир Александрович выступал с резкими нападками именно на осуждаемые библейским учением «двоящиеся мысли» в сознании русского дворянства. Великий князь был «человеком мира», но, вращаясь на протяжении всей жизни (фактически с первого вдоха) в военной среде, он привык к однозначности и лаконичности, а, фактически, догматичности принимаемых решений. При этом государство и военная сила являлись опорой этой устойчивости, и содержание их в надлежащем виде было всего лишь вопросом «социальной и политической гигиены».

Русский генерал, раз он стал генералом, должен был иметь четкие убеждения и однозначные идеологические установки. Как следствие, наличие гвардии являлось наиболее простым способом поддерживать «гигиену сознания». А вот успешный «генштабист»-негвардеец (как явный продукт котрэлиты), да еще и из неблагородных сословий понимался, как существо опасное, так как был склонен к поиску альтернативных решений или, что таило еще большую опасность, – избирательному оппортунизму. В конечном итоге, лучше «никак» не мыслить, чем мыслить противоречивыми, а зачастую взаимоисключающими категориями, вследствие которых, носитель подобного сознание начинает ориентироваться на конъюнктуру. В этом плане наиболее идеальным образчиком догматического сознания и преданности непротиворечивой идеологии являлся барон (с 1913 г. граф) В.Б. Фредерикс, своеобразный «восточный визирь» при своем «обожаемом Владыке».

С точки зрения теоретиков государства рубежа XIX–XX вв. (Д.А. Хомяков, П.Е. Казанский и др.), российская монархия прошла несколько этапов – народная монархия, боярская монархия, дворянская монархия, бюрократическая монархия. Причем в бюрократическую фазу российская монархия вступила отнюдь не во время Николая I, как отмечает ряд отечественных историков, а после отмены крепостного права [8, с. 219–238]. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что к началу XX в. в России по-прежнему сохраняются основные элементы аристократической модели государства, которая под воздействием реформ начинает трансформироваться в этакратическую (этакратическую). И тем не менее именно монархизм, несущий в себе очевидные признаки «почвенничества» 30–50-х гг. XIX в. оставался

единственно возможным идеологическим основанием абсолютизма, как основы отечественного имперского идеала.

В конечном итоге к началу XX в. «охранительная теория» практически полностью исчерпала себя и выродилась в крайне консервативный, отличавшийся высокой степенью агрессивности и ксенофобии «пещерный» монархизм, легший в основание черносотенного движения. Следует отметить, что в среде генералитета прослеживались группы монархистов различного толка: от черносотенцев (генералов С.К. Гершельмана, А.П. Веретенникова, А.И. Евского, П.Г. Жукова, адмирал Ф.В. Дубасова) и почвенников–традиционалистов до сторонников модернизации в сторону конституционной монархии.

Еще в начале царствования Александра III группа генералов–консерваторов, исповедующих «охранительную идеологию», направленную в первую очередь на борьбу с «революционной заразой», сплотилась в так называемую «Священную дружину». Примечательно, что в составе «Священной дружины» оказалось значительное число гвардейских офицеров, преимущественно из лейб–гвардии Кавалергардского, лейб–гвардии Конного и лейб–гвардии Гусарского Его Величества полка. «Членство» в «Священной дружине», как демонстрация абсолютной лояльности к престолу, в большинстве случаев оказало решающее влияние на последующую карьеру данной группы гвардейских офицеров и их «вливание» в военную и военно–политическую элиту. Данные рассуждения можно экземплифицировать таблицей № 1 (см. табл. № 1).

Таблица 1/1.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Н.К. Ура	729	Полковник (1874)	1. Николай Николаевич Шипов	Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, помощник Финляндского ген.-губернатора, член Военного Совета.
Ура	5	полковник	2. [Александр Николаевич] Дубенский	30.08.1890 г. - генерал-майор; с 29.04.1897 г. по 2.03.1899 г. командовал л.-гв. Гродненским гусарским п.; 1899-1900 г. - командир 2-й бригады гв. кавалерийской дивизии; 17.05.1900 г. - командир 1-й бригады 2-й гв. кавалерийской дивизии. 30.01.1902 г. - начальник 2-й кавалерийской дивизии, с производством в генерал-лейтенанты. 31.03.1905 г. - начальник 1-й гв. кавалерийской дивизии.
Ура	28	ротмистр	3. Павел Владимирович Родзянко-II	Шталмейстер (с 1904 г.), герой войны 1904-05 гг. (Владимир III ст. с мечами)
Ура	2	ротмистр	4. Андрей Васильевич Пантелеев	В 1899 г. чиновник особых поручений IV кл., шталмейстер
Ура	141	шт.-ротмистр (1880)	5. Гернгрос [Евгений Александрович]	Командир л.-гв. Конного полка (25.03.1901-24.06.1904); начальник штаба Гвардейского корпуса (24.06.1904-2.01.1907); начальник ГУГШ (30.09.1909-22.02.1911); 1901 г. - генерал-майор.
Ура	27	корнет	6. князь Леонтий Александрович Шаховской	Адъютант в.к. Николая Николаевича (с июля 1889 г.), уволен в отставку по семейным обстоятельствам в звании полковника
Ура	56	корнет	7. Де-Каррьер Сергей Аркадьевич	?
Ура	29	корнет	8. князь Василий Сергеевич Кочубей-II	Ординарец в 1885 г. для сопровождения в Мадрид графа Шувалова, адъютант в 1887 г. в.к. Владимира Александровича. Уволен в 1890 г. звание?
Ура	30	корнет	9. Георгий Павлович Карцов	1889 г. причислен к МВД; 1890 г. чиновник для особых поручений при министре. Чиновник для особых поручений при Главном управлении Уделов с 1904 г.

Таблица 1/2.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Посадник	1	полковник	10. Александр Николаевич Николаев	Командир Кавалергардского полка с 1896-1900; Свиты Е.И. ген.-майор; ком. 1-ой бригады 1 гв. кавалерийской дивизии.
Удило	7	Полковник (1883 г.)	11. Петр Михайлович Лазарев	Шталмейстер, тайный советник. Женат на дочери ген.-ад. Ф.Н. Сумарокова-Эльстона; 1901 г. Таврический губернатор. 1905 г. член Государственного Совета.
Резерв	7	Полковник (1882 г.)	12. флигель-адъютант Михаил Алексеевич Пашков-II	Ген.-майор 1892 г.; 1899 г. командир л.-гв. Литовского полка; 1901 г. Лифляндский губернатор; 1903 г. ген.-лейтенант.
Резерв	40	Ротмистр (1881 г.)	13. Михаил Константинович Языков	8.01.1906 г. генерал-лейтенант с увольнением в отставку; состоял при военном министре
Резерв	36	Ротмистр (1882)	14. Николай Владимирович Хвощинский	Ротмистр, 1886 г. - адъютант Московского генерал-губернатора; с 1890 г. в отставке; крупный помещик (8600+9500 десятин).
Резерв	201	шт.-ротмистр (1878)	15. Илларион Михайлович Бибииков	В 1903 г. уволен в отставку с мундиром полковника; в 1904 г. назначен уполномоченным Красного Креста, принимал участие в русско-японской войне; А2 ст. с м.; 1250 десятин.
Резерв	182	шт.-ротмистр (1880)	16. Николай Николаевич Казнаков	Ген.-майор 1905; Генерал-губернатор в Лодзи 1907 г.
Резерв	1	шт.-ротмистр (1881)	17. Сергей Александрович Панчулидзе (1 разр. №65)	НАГШ (2 р.); 1886 г. уволен в отставку ротмистром; уездный и губернский гласны Саратовского уезда. 1906 г.
Резерв	10	Корнет (1878)	18. Алексей Александрович Стахович	В 1905 г. генерал-майор, помощник наместника на Кавказе.
Резерв	202	Корнет (1880)	19. Михаил Михайлович Растовский	1885 г. поручик, 1898 г. уволен в отставку
Уверенность	15	ротмистр	20. Николай Александрович Ковальков	1900 г. - генерал-майор, командир 1-ой бриг. 14-й кавалерийской дивизии.
Уверенность	32	Поручик (1880)	21. Григорий Петрович Извольский	Умер в г. Ментоне в 1884 г.
Уверенность	6	Поручик (1880)	22. Михаил Сергеевич Толстой I	В 1888 г. уволен ротмистром в отставку; причислен к МВД; в распоряжении для занятий Московского ген.-губернатора.
Уверенность	8	Поручик (1880)	23. граф Василий Александрович Гендриков I	Обер-церемониймейстер 1900 г., назначен состоять при Е.И.В. в к. Александре Федоровне
Уверенность	1	Поручик (1882)	24. Николай Васильевич Александровский	Камер-юнкер, чиновник министерства Путей сообщения в 1904 г.
Уверенность	71	Поручик (1882)	25. Александр Карлович Багговут	Штабс-ротмистр, земский начальник Тамбовского уезда 1904 г.
Уверенность	73	Поручик (1882)	26. граф Иван Александрович Мусин-Пушкин	1901 г. чиновник МИД, 1903 г. - вице-консул в Берлине.
Уверенность	11	Корнет (1878)	27. Спиридон Юрьевич Толстой II	Действительный статский советник, камергер. Помощник начальника Главного управления уделов (1893).
Уверенность	2	Корнет (1878)	28. граф Александр Васильевич Адлерберг	Действительный статский советник, шталмейстер; Псковский губернатор (1903).

Таблица 1/3.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Уверенность	14	корнет	29. Михаил Михайлович Осоргин	Действительный статский советник, камергер, в 1905 г. Тульский губернатор.
Уверенность	72	Корнет (1882)	30. граф Александр Степанович Гендриков II	1900 г. уволен в отставку по домашним обстоятельствам подполковником
Н.К. Уверенность	713	шт.-ротмистр	31. Евгений Иванович Бернов I	Генерал-майор, командир л.-гв. Кирасирского Ее И.В. полка (1907)
Радуга	111	корнет	32. Александр Сильвестрович Львовский	1905 - Ньюландский губернатор, 1906 - генерал-майор с увольнением в отставку (с мундиром)
Радуга	112	корнет	33. Михаил Аполлонович Серебряков	С 13.08.1905 г. назначен состоять при в.к. Владимире Александровиче; полковник (1899 г.)
Радуга	6	Корнет (1881)	34. Георгий Оттонович Раух	1903 г. командир л.-гв. Кирасирским Его В. п., ген.-майор; НШ СПб ВО - 1906 г.
Радуга	22	корнет	35. Алексей Михайлович фон-Кауфман	1907 г. - ген.-майор; командующий л.-гв. Гродненским Гусарским п. с 1907 г.
Радуга	1	Юнкер (1882), корнет (1883)	36. Николай Захарович Мухортов	В 1895 уволен ротмистром с мундиром. В 1898 г. умер. Похоронен в д. Федоровка, Малоархангельского уезда, Орловск. губ.

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы: из 36 офицеров рассматриваемой группы членства 3 человека (8%) дослужились до звания генерал-лейтенанта; 9 (25%) – до звания генерал-майора; один – до генерала от кавалерии. В совокупности указанная группа составила 36%. 7 офицеров из указанной группы дослужилось до звания командира одного из полков гвардейской кавалерии (один офицер, пехотного полка – л.-гв. Литовского), 3 – до звания командира бригады, 1 – дивизии. 1 офицер занял должность начальника штаба СПб.ВО (Г.О. Раух), 1 – начальника штаба Гвардейского Корпуса и начальника ГУ ГШ (А.Е. Гернгрос). Кроме этого четыре офицера заняли должность губернаторов (Лифляндской, Псковской, Тульской, Ньюландской губерний), один пост помощника Финляндского генерал-губернатора и один – генерал-губернатора (в Лодзи). Кроме этого прослеживается значительный процент офицеров, занявших различные посты при Дворе. Таким образом, "верность престолу" была оценена по достоинству – влиянием представители данного весьма незначительного сегмента "священной дружины" в военно-политическую и военную элиты империи.

В конечном итоге, к началу XX в. "славное охранительство" ("уваровский" консерватизм эпохи Николая I)

выродился с одной стороны в пещерный монархизм в варианте черносотенства; с другой – в умеренный либерализм, в первую очередь в варианте "неославянофильства", сближающегося с идеями октябристов. Проводником последней модели являлся один из крупных представителей военно-политической элиты и царедворец конногвардеец генерал А.А. Киреев.

Во взглядах этого весьма неоднозначного исторического персонажа мы встречаем очевидную приверженность позднему славянофильству и даже, в какой-то мере панславизму в духе Н.Я. Данилевского. Примечательно, что генерал однозначно критиковал эпоху Александра III, как период упущенных возможностей. Киреев выступил против революции и требовал ее "жесткого" подавления, но в то же время допускал возможность ограничения абсолютизма "советом, исходящим от земли" в "духе славянофильства". Он резко критиковал вновь образованную Государственную Думу, как явление "западное" и, как следствие, чуждое русскому духу. Деятельность Думы расценивалась как "пагубная", так как в ней действовали, очевидно, деструктивные "декадентские силы": "революционеры (трудовики)", соединившиеся с "кадетами и еврейями" [5, с. 183]. Указанный политический блок должен был привести к "тирании революционной швали" и "не

даст желаемого результата" [5, с. 183]. Примечательно, что генерал даже не пытается разобраться в нюансах политических процессов и, как подавляющая часть царедворцев, видит во главе как революционных, так и умеренно-либеральных сил "жидов" (генерала подчеркивает: "Жида оказываются вожаками этого движения") [5, с. 151]. В этом плане антисемитизм, наряду с консерватизмом являлся визитной карточкой топа властной элиты империи.

Таким образом, еще не до конца утвердившийся парламентаризм генерал уже понимал, как уже состоявшуюся "гибель" России и в своем дневнике писал (запись от 31.12.1906 г.): "Минувший год служит несчастным переломом нашей истории. Идеалы славянофильства, которыми мы, славянофилы, руководились, которые хотели передать не только России, но и всему свету, по крайней мере, всему славянству – погибают, если совсем уже не погибли. Хомяков видит *finis Rossia*. В том, что уничтожается община, да ведь все три устоя России – самодержавие, православие и народность – поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся. Итак, *finis* нашей *Rossia*, а иное может ли быть? Едва ли!" [5, с. 185].

Находясь на указанных пессимистических позициях, генерал видел не только крушение "старого мира", влекущее за собой становление нового политического режима, но грядущую катастрофу, влекущую за собой гибель России. Свой пессимизм генерал подытоживает словами: "Грядет царство озверения" [5, с. 140]. Как следствие, указанный проект оказался идеологическим тупиком. По замечаниям исследователя А.С. Сенина, к началу XX в.: "[...] уваровская триада ушла в прошлое, но в отличии от времен Петра I, Екатерины II, Николая I самодержавие на-

чала XX столетия не сумело выдвинуть новой привлекательной, хотя бы для власти имущих и части интеллигенции, государственной идеологии. Результатом стали три революции и Гражданская война в России" [7, с. 158].

Таким образом, к началу 1-ой мировой войны мы сталкиваемся с весьма неоднозначной ситуацией, которую можно назвать "идеологической гипертелией" политической элиты, военный сегмент которой по-прежнему оставался преобладающим. Носители высших властных функций в основной своей массе потеряли связь с реальностью и погрузились в пространство симуляции устаревшей системы аттитудов, уже вступившей в противоречие с серьезно мутировавшим в области мировоззренческого уклада русским обществом. Отличающиеся высоким консервативным содержанием механизмы социализации представителей властной обоймы, а также очевидная фрагментация власти, вызванная ее стремительной бюрократизацией, породили эффект при котором никто не брал на себя ответственность за развитие общества и государства.

В конечном итоге, речь шла не о том, что "верхи" не могли управлять "по-новому". Ситуация была значительно хуже – "верхи", вступив в фазу импозии, были не способны видеть и переживать по-новому в принципе! "Смутное ощущение беды", которым буквально пропитаны властные решения предвоенного десятилетия, ассоциировалось с приближением "грядущего хама" в лице "всевозможной сволочи": революционной, либеральной, интеллигентской, национальной. Но главной "сволочью" для власти, безусловно, являлся "русский народ".

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 395. Л. 1. Письмо А. Спиридовича в. к. Павлу Александровичу.
3. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Значительно дополненное издание. М.: Фонд ИВ, 2007. 600 с.
4. Никольский Е.А. Записки о прошлом. / Сост. и подгот. текста. Д.Г. Браунса. М.: Русский путь, 2007. 288 с.
5. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. / Сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 472 с.
6. Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров. Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2000. 308 с.
7. Сенин А.С. История российской государственности. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. 336 с.
8. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. М.: ДАРЪ, 2005. 464 с.
9. Юдин Е.Е. Князя Юсуповы: Аристократическая семья в поздней имперской России. 1890–1916. М.: Издательство РГГУ, 2012. 355 с.